

Воронцов Дмитрий Владимирович,
доцент, кандидат психологических наук,
Ростовский государственный университет,
г. Ростов-на-Дону

ДЕСТРУКЦИЯ ПОЛА: *GENDER TRANSVERSALIS*

Современный катастрофический дискурс¹ постсоветской научной и популярной (от лат. «*populus*» – народ) мысли, как правило, фиксируется на доминирующем значении понятия «деструкция» – разъединение прежде объединенных в систему элементов, нарушение целостности, уничтожение объекта. Поэтому вынесенный в заголовок статьи тезис о деструкции пола вполне может быть понят читателем, как очередная попытка как-то отнестись к тенденции разрушения привычных способов бинарной организации человеческой сексуальности. При этом отнесённость *обычно* предполагает негативную оценку процесса «размывания «естественных» границ пола» в поведении и внешнем облике. В катастрофическом *гендерном* дискурсе² наличествуют соответствующие слова-маркеры, призванные задавать рамки преимущественно негативного обсуждения наблюдаемых процессов трансформации социальных образов маскулинности и фемининности: «кризис (утрата) маскулинности», «заметное увеличение людей с «нетрадиционной» сексуальной ориентацией», «нежелание мужчин/женщин выполнять исторически³ сложившиеся функции», «феминизация мужчин», «маскулинизация женщин» и т.д. Оценка *обычно* дается в терминах нормативистской науки, призванной, по определению, стоять на страже господствующих социальных норм, обеспечивая их логически непротиворечивыми обоснованиями и оправдывая некогда установленное положение вещей.

Однако слово «деструкция» на самом деле используется здесь в значениях, которые придавались ему немецким философом М. Хайдеггером и его последователями: прояснение оснований социальных конструктов; переосмысление имеющегося знания как его очищение от более поздних наслоений, затемняющих аутентичное содержание, придаваемое терминам в прошлом; разрушение господствующих политизированных толкований имеющегося жизненного опыта. Поскольку целью статьи является попытка выйти за пределы доминирующего катастрофического гендерного дискурса и обозреть заявленную тему в рамках дискурса (пока еще) маргинального для российской науки.

Катастрофическое обсуждение последствий сексуальной революции, изменившей отношение современных людей к сексуальности и разорвавшей привычную связку «личность-поведение-взаимодействие», всегда связано с идеей трансгрессии – произвольного, намеренного выхода за пределы дозволенного, крушения установленных границ и смешения несовместимого. «*В мужиках проступает «бабье» начало, в виде рыхлости как идеологической, так и психосоматической, а женщины стригутся «под кошек» и у них тяжелеют подбородки*». Автор этого тезиса, редактор московского панк-журнала «КонтрКультУра» Сергей Гурьев⁴, сетует о стирании граней между уникальными явлениями, связывая процесс «деструкции пола» с системным кризисом глобализирующегося мира. Но

---

¹ Дискурс (discourse) – практика использования языка для придания смысла и приписывания значений социальным объектам и процессам, для их структурной организации (приписывания и фиксирования социального статуса), а также для обоснования и оправдания установленного положения (приписанного статуса).

² Т.е. дискурсе, в рамках которого осмысляются и наделяются значениями понятия мужественности и женственности, а также устанавливается и обосновывается иерархия отношений, в которые вовлечены разнообразные аспекты телесности и сексуальности.

³ Или эволюционно – это уж зависит от ориентации высказывающихся на социальное или биологическое знание.

⁴ <http://guriev.lenin.ru>

мало кто задается вопросом: «А что же такое «пол», который разрушается под влиянием современной культуры?».

Казалось бы, что здесь может быть неясного? Достаточно открыть любой энциклопедический словарь и прочитать в разных вариациях примерно одно и то же: что пол – это широкий комплекс репродуктивных, соматических, поведенческих и социальных характеристик, которые определяют индивида в качестве мужчины или женщины.¹ При этом поведенческие и социальные характеристики предполагаются плавно вытекающими из биологических предпосылок: набора генов, деятельности желёз внутренней секреции, мозговой дифференциации, вызванной тормозящим действием тестостерона в последней трети беременности и т.п. Отсюда рождается другой тезис об отрыве современного человека от биологических корней, о забвении современной европейской культурой функций естественного предназначения полового диморфизма и вообще сексуальности. Или даже не о забвении, а скорее извращении этих естественных функций, поскольку извращение как раз и предполагает их намеренное искажение (т.е. в определенном смысле деструкцию): переориентацию на «неестественные», «неправильные», «противоположные» цели и создание комбинаций «неподлинных» мужских и женских свойств и качеств.

По сути, генетическое, гормональное, церебральное, а также соматическое внутривидовое многообразие, встречающееся у представителей *Homo sapiens*, в поле значений слова «пол» по умолчанию сводится к одному-единственному основанию – гениталиям. А именно: если у человека имеется пенис, то ему предписываются одни репродуктивные, соматические, гормональные, церебральные, личностные и социальные характеристики. Если же человек появляется на свет с противоположным по своей репродуктивной функции половым органом – вагиной, то ей (человеку) предписываются уже иные (подчас противоположные) характеристики. Сидящая в наших головах когнитивная схема бинарной оппозиции пола не позволяет даже усомниться в объективности такого диморфизма. По иному, согласно социально-психологической концепции восприятия, и быть не может. Люди воспринимают мир через линзы когнитивных конструктов – схем, в которые уже включены некоторые базовые знания о мире и социальные представления о нем. Однако тогда то, что мы называем «деструкцией пола» в глобализирующемся мире, фактически оказывается всего лишь деструкцией доминирующей в наших головах схемы, в течение долгого времени организующей наш взгляд на мужское и женское. Но отнюдь не всегда: ведь эта схема имеет свою историю.

Мало кто из отечественных исследователей обращает внимание на такой факт, что понятие пола в традиционном значении дихотомического разделения людей по генитальному признаку на мужчин и женщин было введено в научный оборот не так давно: в XVIII веке.² До этого времени половые органы чаще рассматривались как внешнее выражение данного Богом социального статуса, как неперенный атрибут тех или иных социальных ролей. Примерно так, как скипетр и держава выступают атрибутами верховной государственной власти: кто владеет ими (по рождению или по другим причинам) – тот и воспринимается как царь. По мнению Аристотеля (384 – 322 гг. до н.э.), разделение полов имеет отнюдь не биологические основания. Напротив, половая дифференциация описывалась этим античным философом как одно из проявлений онтологического принципа разделённости бытия: «...лучше, когда высшее отделено от низшего. Поэтому если это возможно и там, где это возможно, мужское отделено от женского».³ Таким образом, быть мужчиной или женщиной в древнем мире, наверное, все-таки означало обладание высшим или низшим социальным статусом. При этом гениталии выполняли для древних в большей степени социальную функцию внешней демонстрации (маркирования) своей позиции на социальной лестнице, поскольку, согласно уже

---

¹ The New Encyclopaedia Britannica (1997). The 15-th edition. London.

² Laqueur, T. (1990). *Making sex. Body and gender from the Greeks to Freud*. - Cambridge: Harvard Univ. Press.

³ *Discovering Reality. Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, Methodology, and Philosophy* (1983). Eds. Harding S. and Hintikka M. - Dordrecht, Boston, London. P.5.

цитированному выше произведению Аристотеля «О происхождении животных», особого биологического смысла в разделении людей на мужчин и женщин античные ученые не видели. Связь гениталий с социальными статусом и ролями наблюдается и в до-античном мире. Достаточно хотя бы вспомнить фаллические символы силы и власти.

В античном мире было широко распространено мнение о том, что женщина по сути своей есть не более чем «несовершенный» мужчина. На основе этого мнения и его теоретического обоснования в трудах Аристотеля античный философ-врач Гален Пергамский (130-200 гг. н.э.) разработал гибкую однополую модель человека, согласно которой женщина по причине недостатка жизненной силы имеет недоразвитые мужские половые органы, спрятанные вовнутрь, тогда как у мужчины те же самые органы, достигнув совершенства, оказываются снаружи. Вагина рассматривалась Галеном как внутренний пенис, половые губы – как крайняя плоть, матка – как мошонка, а яичники – как яички. Однополая модель человека долгое время была в Европе основной. Не случайно ведь на протяжении почти двух тысяч лет яичник не имел в романо-германских языках собственного термина! Как и не было в научных текстах до XVIII столетия слова «вагина», противопоставляемого слову «пенис».¹ Итак, женщина на протяжении около двух тысяч лет существования европейской научной мысли рассматривалась, вслед за Аристотелем и Галеном, как «недоразвитый» (в биологическом плане) мужской организм. Именно в этом контексте возникло представление о мужском теле, как норме. Несовершенство женского тела, его «недоотягивание» до человеческой «нормы» – тела мужчины, – по мнению Аристотеля, предопределяет дальнейшее распределение социальных ролей: «низшее» существо не должно выполнять то, что Логосом предназначено исполнять «высшему». При этом в сознании древних греков имелось глубокое убеждение, что между социальными ролями и телесной организацией имеется взаимообратимая связь: исполнение «неподобающих» совершенному по своей телесной организации мужчине социальных («женских») ролей не только снижает его социальный статус, но и грозит перерождением его телесных форм.² Поэтому взрослому мужчине никак нельзя заниматься «женскими» делами. Но – именно взрослому, достигшему физического и социального совершенства (апогея). В этом социокультурном пространстве оказываются удивительно непротиворечиво (для современного человека европейской культуры) сочетающимися практики педерастии как специфической формы социализации мальчиков в гомосоциальном пространстве общения и близости старшего (совершенного взрослого) с младшим (еще не совершенным мальчиком) и практики остракизма гомосексуальных отношений между взрослыми мужчинами-гражданами греческого полиса.

Таким образом, никакой жесткой однонаправленной причинно-следственной связи «пол – личностные характеристики – поведение» в когнитивных схемах людей того времени фактически не было. Мужское и женское ассоциировались с абстрактными противоположностями мироздания: светлое-темное, рациональное-эмоциональное, активное-пассивное и т.д. И только во вторую очередь эти противоположности затем ассоциировались с полом как всего лишь атрибутом (знаком) этих характеристик. Именно поэтому в античной культуре женщины-богини имели маскулинизированные образы: их телесная форма подчеркивала более высокий статус, приближенность к мужскому (нормативно-совершенному) облику-идеалу. Если пол в античности (а затем и в средневековье) понимался всего лишь как атрибут социальных качеств личности, то правомерно ли тогда приписывать до-современной дихотомии мужского и женского начал те значения и смыслы, которые мы вкладываем в понятие «пол» сегодня?

Идея того, что женщина является существом, радикально, во всех отношениях противоположным мужчине, получила развитие в европейской культуре только в эпоху Просвещения. В это время акцент в интерпретации различий между мужчинами и женщинами

---

¹ Laqueur, T. (1990). *Making sex. Body and gender from the Greeks to Freud*. - Cambridge: Harvard Univ. Press.

² Foucault, M. (1988). *The Care of the Self. The History of Sexuality*. Vol.3. – NY: Vintage Books.

сместился с социального статуса и социальных ролей на репродуктивные функции. Именно репродуктивные функции и связанные с ними генитальные различия легли в основу нового теоретического конструкта «пол», который стал универсальной объяснительной схемой и способом нормативизации существующего порядка социального взаимодействия людей, обладающих разными гениталиями. Поворотной точкой дискурса вокруг различий мужчин и женщин в XVIII-XIX вв. стало то, что эти различия начали связывать не с иерархией мирового (божественного) порядка, а с телесной организацией. С особенностями репродуктивных систем связывались определенные социальные и психологические качества, которые отныне оказывались существующими нераздельно друг от друга. Анатомия в это время действительно стала судьбой.

Открытие биологических различий не только на внешнем (соматическом), но и на внутреннем (физиологическом) уровне дало возможность обосновать различия между мужчинами и женщинами не столько божественно-социальной иерархией, сколько божественно-природной организацией. Например, известный европейский биолог конца XIX в. Патрик Жедд (Patrick Geddes), одним из первых выдвинувший гипотезу о радикальном отличии мужского организма от женского на уровне протекания биохимических процессов, трактовал обнаруженные им сдвиги в анаболично-катаболических процессах¹ как убедительное доказательство того, что женщины по природе своей более пассивны, консервативны, глупы и косны, нежели мужчины, которые, напротив, по природе своей более активны, энергичны, страстны и склонны к разнообразию.²

С развитием сравнительной биологии взгляд на мужчин и женщин как на радикально противоположные существа только упрочивался. Однако у этого взгляда была (и остается) вполне определенная методологическая предпосылка, задающая способ и характер интерпретации получаемого знания. На парадигмальном³ уровне биолого-ориентированная наука терминологически отождествляет формы и степени биологической активности организма с психосоциальными процессами и качествами, возникающими в пространстве межличностного и социального взаимодействия людей. Только при их отождествлении генетические, эндокринные, церебральные и другие биологические факторы могут полагаться репрезентирующими уровень психосоциальных различий между мужчинами и женщинами. Ведь тогда психосоциальные аспекты оказываются всего лишь декоративным «фасадом», культурной «надстройкой» над всемогущей анатомо-морфологической структурой и физиологией мужского или женского организма. С точки зрения биолого-ориентированной науки, в основании любых психосоциальных феноменов, отмечаемых в пространстве взаимодействия мужчин и женщин, всегда находится некоторая биологическая сущность. В этой парадигме считается, что именно из-за существующих биологических различий в обществе складывается дифференцированная по полу система социальных ролей, действующая по принципу взаимодополнительности и максимального учета данных природой возможностей.⁴ Следовательно, на социальном уровне каждый пол в идеале всегда должен исполнять только подходящие его конституции роли, которые и предписываются мужчинам и женщинам с помощью социальных норм и системы социального контроля над их соблюдением.

С конца XIX в. до 70-х гг. XX столетия биологическая парадигма описания пола и сексуальности человека, фактически, была единственной. Что и повлияло на содержание наших

---

¹ Женские клетки, как отмечал П. Жедд, имеют выраженный сдвиг в сторону анаболических процессов, направленных на аккумуляцию и сохранение энергии. Тогда как мужские клетки имеют выраженный сдвиг в сторону катаболических процессов, следовательно, мужские клетки «отдают» энергию, а не накапливают.

² Geddes, P. and Thompson, A. *The Evolution of Sex* (London, 1889) – Cit. in Laqueur, T. (1990). *Making sex. Body and gender from the Greeks to Freud*. - Cambridge: Harvard Univ. Press. P.6.

³ Парадигма – совокупность убеждений, ценностей и методических средств, обеспечивающих получение и толкование обнаруживаемых наукой фактов.

⁴ Дюркгейм Э. (1991). *О разделении общественного труда*. – М.: Наука. Parsons, T. and Bales, R. (1956). *Family, Socialization, and Interaction Process*. London.

когнитивных схем восприятия мужского и женского, согласно которым биологическая основа пола всегда определяет психологические и социальные проявления пола. Влияние этой когнитивной схемы таково, что мы зачастую не замечаем серьезных противоречий полоролевой концепции, возникшей внутри биологической парадигмы пола. Трактовка мужественности и женственности как ролевого репертуара, возникающего на основе биологических различий, достаточно проблематична. Если следовать устоявшемуся в социальном знании понятию социальной роли как модели поведения, включающей определенные права, обязанности и обязательства, исполнение которых ожидается от индивида в соответствующих социальных ситуациях, то мы должны признавать ситуативный характер ролевой модели и её связь с социальным статусом исполнителя. Если половая роль – это разновидность роли социальной, почему только она приобретает статус исключительной, т.е. внеситуативной и связанной не с социальным статусом исполнителя, а с его телесной организацией? Если же половая роль не социальная, тогда почему не существует унифицированных для любых культур мужской и женской ролей (моделей поведения)?

Любой устоявшийся ролевой репертуар личности имеет трансверсальный¹, а не сущностный характер. Термин «трансверсальный» в социальном ключе означает превращение какой-либо ситуационной модели поведения в устойчивую, продолжающуюся во времени на протяжении жизни и объединяющую под своим началом другие (ситуативные) модели. Это превращение осуществляется на основании сознательного принятия конкретной модели из множества других в качестве основной формы репрезентации себя в социальном взаимодействии. Всегда ли этот выбор делается человеком только лишь на основании биологических инстинктов?

Классическая биологическая парадигма конструирования понятия «пол» в большей мере основывается на реактивной трактовке биологических процессов. Тогда как современная биология ориентируется на системное видение психофизиологических процессов как комплекса избирательно вовлекаемых во взаимодействие компонентов с целью получения полезного (или желательного) результата. Именно заранее складывающееся у человека представление о результате поведения или деятельности объединяет различные элементы, обеспечивающие психофизиологическую активность в нужном направлении. Соответственно этой идее, формы и степени биологической активности мужского и женского организма, можно не отождествлять с психологическими процессами и качествами, а рассматривать их как всего лишь инструмент для развития и реализации чего-то иного, не включенного в биологическую механику. Как рука является орудием деятельности хирурга, но не её причиной, так и биологические процессы могут считаться орудием какой-то иной деятельности, инструментом достижения внешне заданных (обществом, культурой) целей и поддержания культурных ценностей. Ведь биологическая активность осуществляется человеком в определенном социокультурном пространстве. Следовательно, его поведение всегда включает не только базовую активность, но и то, на что она направлена (цель), а также санкционированные (посредством социальных норм) формы реализации этой активности.

Так как жизнедеятельность человека тесно связана с социокультурными механизмами существования, получается, что именно общество определяет средства и границы проявления форм и степеней проявления активности организма, а культура предоставляет систему знаков, посредством которых человек обозначает свои природные характеристики, наделяя их определенным смыслом и значением. При этом в зависимости от системы ценностей, на которые ориентируются люди той или иной культуры, разные сочетания признаков и качеств, означенные как маскулинные или фемининные, трансформируются в нормативные образцы «истинной» маскулинности или феминности. Изменение ценностей, связанное с изменением жизненных практик людей, неизбежно сопровождается перекомбинированием прежде

---

¹ Transversalis (лат.) – поперечный, пересекающий перпендикулярно продольную ось тела, делящийся во времени.

связанных воедино элементов нормативных образцов. Прежние образцы сменяются новыми. Но одновременно с этим осуществляется и реорганизация связанных с прежними образцами систем отношений между людьми. И если эти системы основывались на представлении (подкрепленном соответствующим базовым знанием) о мужчинах и женщинах как сущностно различающихся феноменах, неизбежно будет возникать ощущение деструкции основ всей социальной (и не только) жизни по причине деструкции базового понятия – «пол».

Деструкция базового понятия «пол» как раз и началась во второй половине XX в., ознаменовавшегося возникновением новой парадигмы научного знания: социального конструктивизма, поставившего под сомнение причинную зависимость социальных ролей мужчин и женщин от биологических различий. Без малого трехвековое господство биологического конструкта «пол» было подорвано диалектическим возвратом к исходным представлениям о поле как социальном феномене. И в противовес теоретическому конструкту «пол», оказавшемуся тесно связанным с биолого-ориентированным классическим знанием, порожденным эпохой Просвещения, в научном языке возникает новое понятие – «гендер».¹

Термин «гендер» был призван подчеркнуть тот факт, что биологические характеристики сексуальности не даны человеку непосредственным образом, а всегда преломляются через призму индивидуального сознания и социальных представлений, т.е. существуют в виде субъективного и зафиксированного в культуре знания о них. В английском языке термин «гендер» изначально обозначал грамматический род слов, используемых в предложении. Особенностью английского языка является то, что род выступает в нем контекстуальной (феноменологической), а не онтологической (сущностной) характеристикой объектов (что как раз и отражает древние представления о сути мужского и женского начал).

Употребление грамматической категории «гендер» подразумевало то, что видимые различия личностных и поведенческих характеристик мужчин и женщин не связаны напрямую с действием биологических факторов, а определяются спецификой социального взаимодействия, в которое включены мужчины и женщины, обладающие субъективным знанием о своих сексуальных признаках. В самом деле, отличительными психологическими признаками «мужского» и «женского» поведения почти всегда оказываются не природные, а социальные качества личности: социальный статус и связанные с ним отношения власти (доминирование/подчинение), исполняемые социальные роли (например, материнство/отцовство), уровень и вид социальной активности (активность/пассивность; профессиональная деятельность/домашняя работа) и т.д. Получается, что те личностные характеристики, которые в обыденном сознании и классической науке оказываются тесно связанными с биологическим полом, фактически возникают в определенной системе социальных отношений.

Убедительным доказательством этого тезиса является анализ случая М-Ф (male-to-female) транссексуала Агнес, представленный Г. Гарфинкелем.² Агнес от рождения имела мужские гениталии и до восемнадцатилетнего возраста воспитывалась мальчиком. В 18-летнем возрасте, когда сексуальные предпочтения и субъективная схема тела привели Агнес к личностному кризису, она приняла решение стать женщиной. Наличие мужских гениталий Агнес интерпретировала как ошибку природы. Эта ошибка подтверждалась тем фактом, что этого биологического мужчину-транссексуала везде принимали за женщину, и сексуальные предпочтения, которые он испытывал, были сексуальными предпочтениями гетеросексуальной женщины. Сменив идентичность, Агнес полностью поменяла образ жизни, покинув дом, город, изменив внешность, одежду, имя. Через некоторое время она смогла убедить хирургов провести ей хирургическую реконструкцию гениталий. У нее появился сексуальный партнер мужского пола. И у Агнес появилась жизненно важная задача – избежать разоблачения. Не имея никаких «врожденных сертификатов» женственности, не имея изначально женских

---

¹ Stoller, R. (1968) *Sex and gender*. NY: Science House.

² Garfinkel, H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall. Pp. 118-140.

половых органов, не пройдя школы «женского опыта», которую она видела только со стороны, Агнесс, тем не менее, была воспринята обществом именно как «настоящая» женщина.

Случай, описанный Г. Гарфинкелем, показывает, что категоризация по полу имеет социальное происхождение. Простой факт наличия или отсутствия соответствующих репродуктивных анатомических признаков ещё не гарантирует того, что личность будет относиться к определенной категории по полу. Сам биологический пол, по сути, выступает лишь условной теоретической системой объяснения реальности. И в эту систему априори заложены конкретные ценностные ориентиры: нормативная гетеросексуальность и андроцентризм. Не случайно, несмотря на многоуровневый характер современных биологических представлений о поле¹, различные уровни сексуальной организации человека оказываются выстроены в виде иерархии, в основании которой почему-то лежит функционально-морфологическая противоположность пениса и вагины. Вполне логично предположить, как это сделала А. Дворкин, что такое противопоставление удачно сочетается с иерархической организацией социальных отношений, где мужчины и женщины обладают различными социальными статусами в зависимости от гениталий и сексуальных практик (способов использования этих гениталий, сексуальных предпочтений) и исполняют, чаще всего, взаимодополняющие социальные роли, связанные с этими статусами.² Половой диморфизм, на котором основывается теоретический конструкт «пол», фактически выполняет функцию обоснования господствующих в обществе традиционных моральных ценностей, определяет роль и место человека в системе отношений не только по наличию тех или иных гениталий, но также по сексуальным предпочтениям, уровню дохода³ и по другим социальным качествам (сфера занятости, внешний облик, стили взаимодействия и т.д.).

Так как не одни гениталии определяют восприятие людей как «настоящих» мужчин и женщин, не только они имеют значение в социальном определении и репрезентации человека в определенном гендерном качестве, в новой парадигме (гендерной теории) возникает идея о существовании как минимум пяти (а не двух, как в биологической парадигме) гендеров: мужчина, женщина, гомосексуал, бисексуал и транссексуал.⁴ Когда человек говорит, что он мужчина, то мы априори предполагаем, что это *гетеросексуальный* («нормальный») мужчина. Однако биологические мужчины и женщины могут в то же самое время быть гомосексуальными, бисексуальными или вообще перешагнуть границы урожденного биологического пола и при этом благополучно вписываться в рамки привычных категорий «нормальных» мужчин или женщин. И как только мы узнаем эту их особенность, мы начинаем сомневаться в их мужественности или женственности. Они помещаются в соответствующим образом организованные системы отношений и взаимодействия, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на психосоциальные характеристики их личности. Именно поэтому гендеров оказывается в пространстве социального взаимодействия как минимум пять, а не два. В отличие от биологических полов. При этом оценка их «нормальности» или «ненормальности» осуществляется только по одному из критериев: сексуальных предпочтений (или в случае транссексуалов – репрезентации себя в соответствии с урожденными, а не хирургически измененными гениталиями).

В качестве нормативной группы (в соответствии с традиционными ценностями) в обществе традиционного типа всегда выступают только гетеросексуальные (европейские)

---

¹ Сегодня выделяют как минимум четыре уровня биологического пола: генетический, гонадный, морфологический и церебральный (см. Келли Г. (2000) Основы современной сексологии. – СПб.: Питер. С. 164).

² Дворкин А. ГИНОцид, или Китайское бинтование ног // Антология гендерной теории / Сост., комментарии, общ. ред. Гаповой Е.И., Усмановой А.Р. (2000) – Минск: Пропилеи.

³ «Настоящий» мужчина должен быть обеспеченным настолько, чтобы мог содержать не только себя, но и партнершу («настоящей» женщиной, в этом случае, будет только такая, которая не обладает достаточными ресурсами для существования без помощи мужчины).

⁴ Lorber J. *Gender* // In: Borgatta E.F. and Borgatta M.L. (eds). *Encyclopedia of Sociology*. (1992). – NY: McMillan PC. Pp. 748-754.

мужчины, чья жизнедеятельность в соответствии с приписываемым им социальным статусом, выступает в качестве обязательного стандарта для всех остальных. Гетеросексуальные женщины признаются «нормальными», как правило, только в том случае, если их репрезентации соответствуют ожиданиям гетеросексуальных мужчин. К примеру, такие «популярные» в прошлом психические расстройства как нимфомания, истерия, неврастения, эротомания, клептомания фактически отражали представления гетеросексуальных мужчин о «нормальных» женщинах, которые должны быть в меру слабыми, впечатлительными, беззащитными, ненавязчивыми и призванными выступать в качестве доступных, управляемых и контролируемых мужчинами сексуальных объектов. Любое проявление неконтролируемой мужчинами самостоятельности женщин, особенно в сфере сексуальности, долгое время рассматривалось как «отклонение от нормы», т.е. «патология».

Итак, деструкция пола, происходящая в европейской культуре, на деле оборачивается деструкцией теоретического конструкта, оправдывавшего вполне определенную систему социальных ценностей, на которые эта культура более не хочет ориентироваться. Всякий конструкт возникает и живет только внутри некоторых практик социального взаимодействия, в которых воспроизводятся различные представления о мужском и женском, одни из которых начинают доминировать над другими, что приводит к установлению определенного социального порядка. В этом смысле и пол, и гендер являются именно категориями социального порядка, за которыми стоят различные системы социальных ценностей и способов репрезентации себя в общении и взаимодействии в качестве человека, имеющего определенные характеристики, ассоциируемые с гениталиями или сексуальными предпочтениями. Любой социальный конструкт является продуктом социальных технологий репрезентации. В этом смысле гендер (или пол) никогда не может быть статическим, вневременным феноменом. Он не может им быть в принципе, поскольку порождается только лишь самой системой социальных и межличностных отношений, в которой особое место занимает гендерный дискурс: постоянное обсуждение и интерпретация того, что есть пол/гендер человека, и принятие (или непринятие) результатов этой интерпретации.